

СЛЕДУЮЩАЯ СЦЕНА

Виталий Корчагин

Виталий Корчагин
Следующая сцена

«Автор»

2026

Корчагин В.

Следующая сцена / В. Корчагин — «Автор», 2026

«Следующая сцена» — логическое продолжение книги «Свет внутри». Если в «Свете внутри» я пытался понять, как меняется восприятие реальности и почему некоторые состояния способны превращать риск в свободу, то здесь меня интересует следующий вопрос: что происходит, когда человек начинает жить внутри истории о самом себе? Роль, зритель, чужие ожидания, гороскоп, миф, слова близких, психолога или ИИ могут не только описывать человека, но и незаметно участвовать в его следующих решениях. А последствия — вместо того чтобы остановить — иногда становятся ещё одной сценой, подтверждающей выбранный сюжет. Я пытаюсь проследить момент, когда описание превращается в сценарий, поступок — в доказательство собственной роли, а история начинает менять мир так, чтобы затем использовать изменённый мир как подтверждение самой себя. И главный вопрос здесь уже не «кто я?», а сколько следующих сцен всё ещё остаются для меня возможными?

© Корчагин В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Он знает, что его ищут	5
Глава 2. Я Скорпион	9
Глава 3. Чужой сценарист	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Виталий Корчагин

Следующая сцена

Глава 1. Он знает, что его ищут

Почему серийный убийца продолжает, когда уже знает, что его ищут?

Не первый раз.

Первое преступление меня сейчас почти не интересует. Там можно придумать слишком много объяснений: импульс, ярость, фантазия, случайность, желание пересечь границу, которую человек долго представлял.

Мне интереснее момент позже.

Уже есть несколько убийств.

Полиция связала их между собой.

В новостях говорят о серии.

Человек может сидеть дома и смотреть сюжет о собственных преступлениях.

Возможно, у него уже появилось имя, которое придумала пресса.

Следователь рассказывает журналисту:

— Мы предполагаем, что он нападёт снова.

Убийца слышит это.

Его ищут.

Он знает.

Следующее преступление опаснее предыдущего.

И всё-таки оно происходит.

Почему?

Можно сказать: желание сильнее страха.

Возможно.

Можно сказать: он уверен, что его не поймают.

Тоже возможно.

Можно перечислить ещё десяток причин и, скорее всего, часть из них окажется правильной для конкретных людей.

Но меня зацепил другой вариант.

А что, если человек всё понимает?

Он понимает, что вероятность ареста растёт.

Представляет тюрьму.

Знает, что может погибнуть при задержании.

Последствия находятся прямо перед ним.

И почему-то не означают:

остановись.

Я раньше довольно автоматически связывал понимание последствий с торможением.

Если я понимаю, что прикосновение к плите закончится ожогом, знание меняет действие.

Если вижу финансовый риск, становлюсь осторожнее.

Если впереди тюрьма, это должно довольно убедительно уменьшать привлекательность следующего шага.

Но в этой схеме есть скрытое предположение.

Мы считаем, что последствие не только правильно предсказано, но и сохраняет своё значение.

А если значение изменилось?

Представим, что после нескольких преступлений существует уже не только человек.
Появился персонаж.
У персонажа есть почерк.
Последовательность.
Имя.
Его пытаются понять.
От него чего-то ждут.
Следователь говорит:
— Он нападёт снова.
Я пытаюсь представить, каково услышать собственное будущее из уст незнакомого человека.

Можно испугаться.
Можно разозлиться.
Можно специально остановиться, чтобы разрушить прогноз.
А можно почувствовать другое:
они поняли, кто я.
Я не знаю, происходит ли это в реальности именно так.
Но с этого момента следующее действие получает ещё одну функцию.
Оно уже не только что-то делает с миром.
Оно **продолжает персонажа**.
Тут мне впервые пришёл в голову образ фильма.
Не в буквальном смысле.
Не в том смысле, что человек буквально считает мир декорацией, а окружающих — актёрами.

Гораздо более обычное переживание:

со мной происходит история.

Есть герой.

Было начало.

Теперь появился противник.

Ставки растут.

И в фильме погоня не является причиной остановить фильм.

Погоня и есть фильм.

Если появляется следователь, появляется достойный противник.

Если герой почти попался, сцена становится напряжённое.

Даже арест можно встроить.

Суд.

Тюрьму.

Приговор.

В предельном случае — собственную смерть.

История обладает странной способностью перерабатывать последствия.

Не отрицать их.

Именно перерабатывать.

Есть огромная разница между:

«Меня могут поймать, поэтому нужно прекратить»

и:

«Меня могут поймать. Значит, всё стало серьёзно».

Фактическая часть одинаковая.

Возможно, человек вообще идеально предсказывает своё будущее.

Меняется не прогноз.

Меняется его знак.

И именно поэтому мне эта мысль кажется интереснее простого «он не понимает последствий».

От ошибки в прогнозе можно защищаться фактами.

А что делать, если человек сам говорит:

— Да. Я знаю, чем это может закончиться.

И просто не ставит после этого слово «**поэтому**»?

Потом возникает ещё одна проблема.

Такого человека ловят.

Проходит двадцать лет.

Он сидит перед журналистом.

И журналист спрашивает:

— Почему вы продолжали?

Мы почти автоматически считаем его главным экспертом.

Кому ещё знать?

Он был внутри собственной головы.

Но теперь я уже не уверен, что присутствие внутри себя даёт прямой доступ к причине.

Человек может совершенно искренне сказать:

— Я хотел доказать, что умнее полиции.

Может быть, так и было.

А может быть, противостояние с полицией стало главной частью истории позже.

Сначала преступления.

Потом полиция.

Потом пресса.

Потом годы размышлений.

Потом документальные фильмы.

Потом интервью.

К моменту вопроса «почему?» существует уже законченный персонаж.

И отвечает тоже он.

Не обязательно лжёт.

Просто рассказывает историю, которой успел стать.

И интервью снова является сценой.

Перед человеком журналист.

За журналистом аудитория.

Его слова будут цитировать.

Обсуждать.

Вставлять в фильмы.

Он одновременно вспоминает прошлое и снова играет перед зрителем.

Что именно мы слышим?

Воспоминание?

Причину?

Самооправдание?

Последнюю редакцию роли?

Наверное, всё сразу.

И тогда мне становится интереснее другой вопрос.

Не:

можно ли верить его словам?

А:

перед кем он говорит, когда рассказывает, кто он?

У персонажа почти всегда есть зритель.

Иногда настоящий.

Иногда воображаемый.

Полиция.

Пресса.

Любимый человек.

Отец.

Бог.

Потомки.

Будущий я, который однажды посмотрит назад и скажет:

вот тогда я показал, кто я такой.

Поступок происходит сейчас.

Но его значение уже может определяться взглядом, которого ещё нет.

Мы говорим:

«зато будет что вспомнить».

Очень странная фраза.

Она означает, что я ещё не совершил поступок, но уже представляю будущего себя, который его вспоминает.

Будущий зритель вошёл в настоящее.

И, возможно, именно поэтому некоторые последствия перестают работать как тормоз.

Если зрителю нужна сильная история, потеря может делать её сильнее.

Риск — ярче.

Соппротивление — убедительнее.

Погоня — интереснее.

Цена сама начинает доказывать масштаб происходящего.

Но если бы всё это относилось только к убийцам, я бы, наверное, остановился здесь.

Проблема в том, что через некоторое время я подумал о гороскопах.

И почему-то увидел там тот же механизм.

Только без полиции.

Без крови.

И настолько будничным, что его почти невозможно заметить.

Глава 2. Я Скорпион

— Я Скорпион. Со мной такое нормально.
Эту фразу можно сказать совершенно несерьёзно.
Посмеяться.
Отправить мем.
Через минуту забыть.
И именно поэтому гороскоп мне нравится как следующий пример.
После серийного убийцы он выглядит почти нелепо.
Но механизм становится чище.
Человек читает описание своего знака.
Скорпионы глубоко чувствуют.
Хорошо.
Скрывают эмоции.
Тоже бывает.
Тяжело переживают предательство.
Кто не переживает.
Склонны к ревности, потому что сильно привязываются.
Вот это уже интересно.
Человек вспоминает прошлые отношения.
Да.
Ревновал.
Действительно.
— Смотри, это же буквально я.
И на этом всё могло закончиться.
Но допустим, не закончилось.
Вчера ревность была просто ревностью.
Не особенно красивым состоянием.
Можно было спросить:
почему я тревожусь?
Есть ли реальные основания?
Я не доверяю этому человеку?
Боюсь потерять?
Сегодня появляется готовая история:
я Скорпион. Я просто очень глубоко привязываюсь.
Сама ревность никуда не исчезла.
Но получила роль.
Причём роль довольно приятную.
Не тревога.
Глубина.
Следующая ссора происходит уже после появления этой истории.
Человек не обязан сознательно вспоминать гороскоп.
Некоторый способ поведения просто становится немного более **своим**.
Я такой.
Мне свойственно.
Со мной это нормально.
Это удобно.
Не нужно каждый раз заново разбирать собственную реакцию.

Персонаж уже известен.

Тут, правда, легко начать видеть персонажа вообще в каждом поступке.

Но иногда я просто хочу пить и наливаю воду. Иногда ухожу, потому что устал. Иногда выбираю работу, потому что там больше платят.

Мне интереснее другое место — когда поступок начинает одновременно что-то говорить обо мне самом.

Не просто:

я ушёл.

А:

я не тот человек, который такое терпит.

Вот здесь история о себе уже начинает участвовать в решении.

Мне интересно, в какой момент описание начинает участвовать в том, что описывает.

Сначала:

ты ведёшь себя так, потому что ты Скорпион.

Потом:

я иногда веду себя так.

А затем:

такие, как я, ведут себя так.

Разница кажется маленькой.

Но именно в последней фразе появляется будущее.

Допустим, человек читает:

Стрельцы не терпят ограничений и всегда выбирают свободу.

Красиво.

Он начинает вспоминать.

Как прогуливал школу.

Как бросил первую работу.

Как однажды внезапно уехал.

Как не смог жить с человеком, который хотел слишком много совместных планов.

До этого события могли иметь совершенно разные причины.

Теперь между ними появилась линия:

я всегда выбирал свободу.

Описание, прочитанное сегодня, изменило вчера.

Не сами события.

Связь между ними.

А как только появляется связь, возникает направление.

Через месяц человеку предлагают хорошую работу.

Высокая зарплата.

Интересные задачи.

Но график довольно жёсткий.

Раньше перед ним были бы условия договора.

Теперь рядом появился ещё один вопрос:

а это вообще похоже на меня?

Отказ способен подтвердить историю.

Согласие потребует объяснения.

Так гороскоп получает небольшой голос при выборе.

Не диктатора.

Не патологию.

Один голос.

Но после решения появляется новое доказательство.

Человек отказался от работы.

Причин было десять.

Через год в биографии осталось:

я опять выбрал свободу.

Следующее решение получает уже более сильную историю.

Получается странная система.

Гороскоп сначала пытается угадать человека.

Потом человек немного помогает гороскопу угадывать себя в будущем.

А затем смотрит назад:

офигеть. Опять совпало.

Мне нравится, что здесь вообще не нужен обман.

Не нужен астролог, который кого-то ведёт.

Не нужен человек, сознательно подгоняющий факты.

Достаточно удачного описания.

Особенно если оно цепляется не только за то, что уже есть, но и за то, **чем приятно быть.**

Есть разница между:

«ты подозрительный»

и:

«ты очень хорошо чувствуешь ложь».

Второе хочется принять.

Оно не просто объясняет неприятную черту.

Оно повышает статус персонажа.

Подозрительность превращается почти в способность.

Вообще особенно хорошо приживаются истории, которые одновременно узнают человека и немного улучшают его роль.

Ты не замкнутый. Ты интроверт.

Ты не хаотичный. Ты творческий.

Ты не боишься близости. Ты очень независимый.

Ты не конфликтный. Ты просто остро чувствуешь несправедливость.

Каждая из этих фраз может быть абсолютно справедливой.

Мне сейчас не важно разоблачать их.

Интереснее другое.

После хорошего названия человек начинает по-другому видеть собственную биографию.

И постепенно мне перестаёт нравиться метафора маски.

Мы часто говорим: человек надел роль.

Как будто под ней существует настоящее лицо.

Сними роль — увидишь настоящего себя.

Но, возможно, всё устроено сложнее.

История не обязательно скрывает человека.

Она может его частично **создавать**.

Она собирает воспоминания.

Даёт им связь.

Выделяет одни черты.

Оставляет в тени другие.

А потом эта собранная фигура начинает принимать следующие решения.

Если мне в четырнадцать лет сказали:

ты прирождённый программист,

а через двадцать лет я программист, что произошло?

Меня хорошо заметили?
Фраза помогла выбрать направление?
Мне понравилась роль?
Она совпала с интересом, который уже был?
Наверное, всё одновременно.

И именно поэтому трудно найти момент, где заканчивается описание и начинается причинность.

Но у гороскопа есть удобная особенность.

Автор роли находится снаружи.

Кто-то написал текст.

Я прочитал.

Принял часть.

А что если текст написан специально для меня?

Если напротив сидит человек, которому я сам пришёл задавать вопрос:

что со мной происходит?

Глава 3. Чужой сценарист

Представим женщину у экстрасенса.

Недавно закончились отношения.

Она спрашивает:

— Он вернётся?

Экстрасенс раскладывает карты.

Молчит.

Смотрит на неё.

Потом говорит:

— Между вами сильная связь. Но сейчас вам нельзя быть вместе. Ему нужно пройти собственный путь. Вы ещё встретитесь, только к тому времени вы будете другой.

Очень хорошая фраза.

До сеанса была женщина, от которой ушёл мужчина.

После появилась героиня периода трансформации.

Это уже другая биография.

Расставание может быть не концом.

Паузой.

Одиночество — подготовкой.

Новая работа — частью изменения.

Случайное сообщение бывшего — знаком.

А два года тишины?

Тоже помещаются.

Пока не время.

Я сейчас вообще не хочу выяснять, существует ли экстрасенсорика.

Можно предположить, что экстрасенс ничего не видит.

Можно считать, что он совершенно искривлен.

Для механизма это почти не важно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.